

A misty mountain landscape with a forested slope and a rocky ridge. The scene is hazy, with soft light filtering through the fog. The foreground shows a steep, rocky slope covered in green vegetation and evergreen trees. The background features more mountain peaks shrouded in mist.

Madlen Kaufmann

Звездочки

*Много тайн хранили
в себе фиолетовые
башмачки...*

Madlen Kaufmann

Звездочки. Много тайн хранили в себе фиолетовые башмачки...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22972849

ISBN 9785448377570

Аннотация

В далекой стране, где цветущие маковые поля перемешались со снежными холмами, бредут два странника: уставший бело-серый медведь и маленькая девочка в фиолетовых башмачках. На своем пути они встречают множество необычных вещей: заброшенные поселения, пряничные деревни, заколдованные леденцы и очень много жимолости и звезд. Но ни один из них не знает, куда же приведет их эта долгая дорога...

Содержание

***	5
***	9
***	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Звездочки

Много тайн хранили в себе
фиолетовые башмачки...

Madlen Kaufmann

*Моему лучшему другу – Медведю, который
умеет зажигать звезды.*

© Madlen Kaufmann, 2017

ISBN 978-5-4483-7757-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Звездочки

Ты – большой-большой серо-белый медведь, а я – маленькая девочка в фиолетовых башмачках. Ты катаешь меня на спине по всему свету, и когда мы пересекаем маковое поле, я всегда засыпаю. У меня с собой всегда маленькие золотые ножнички, ими я отстригаю куски от твоей шерсти, те, которые совсем уж посерели и выглядят слишком мрачно. Ведь ты добрый медведь, а на добрых медведях нет ничего мрачного, или не должно быть. Мы с тобой очень странная компания, я – не знаю, откуда я появилась и почему на мне всегда эти фиолетовые башмачки, а ты никогда мне не рассказываешь, откуда появился, а может просто, так же как и я, не знаешь. Но когда мы встретились, то оказалось, что у меня есть ножнички, а у тебя – серая шерсть, которую иногда надо срезать, и мы решили что отлично подходим друг другу и с тех пор странствуем вместе.

Иногда тебе надо порыбачить, и тогда мы отправляемся к какому-нибудь водоему, реке, озеру. В любое место, где есть рыба. Я сижу на берегу и наблюдаю за тобой, и всегда – близко к воде, потому что ты не разрешаешь мне далеко уходить. «Маленьких девочек в фиолетовых башмачках, да еще у которых есть золотые ножницы, могут украсть охот-

ники или разбойники, – говоришь ты, – поэтому оставайся на виду». Я не спорю. Мне всегда хотелось, чтоб у меня был медведь, и я всегда знала, что медведи рыбачат. Поэтому я и раньше думала – если у меня будет медведь, я буду ждать его на берегу, пока он ловит рыбу, и иногда даже снимать башмачки и немножко плескать ногами в воде.

Когда мы только встретились, ты и меня пытался угостить рыбой, но я ее боюсь.

Я ем только жимолость. И всегда после того, как ты закончил с рыбалкой, мы отправляемся искать подходящий кустик. На самом деле, мы тратим очень много времени на поиски жимолости, потому что зимой ее нигде не сыщешь, а мне надо что-то кушать. Поэтому летом мы стараемся найти как можно больше, чтобы засушить впрок. Иногда, когда мы уже совсем долго не видели ни одного куста, ты начинаешь сетовать на то, что это очень неудобно. Рыбу можно поймать почти везде, в любое время года, но как трудно постоянно ломать голову над тем, где найти жимолость. Я грустно пожимаю плечами и смотрю на свои башмачки. Почему-то мне кажется, что они, и то, что я ем только жимолость – как то связано между собой.

Иногда, когда мы в лесу, я слезаю с твоей спины и лезу на какое-нибудь дерево. Да не просто на дерево, а на то про которое я точно знаю: в нем живут пчелы. Я умею это определять, и я умею достать немного мёда. Почему – не знаю, но думаю – это тоже как-то связано с тайной фиолетовых

башмачков и моего появления на свет. Я достаю мёд и отдаю его тебе. «Вообще-то, – говоришь ты, – Белые медведи не едят мёд». Тогда я отвечаю, что этот мёд достала я, и он особенный, и белым медведям подходит. Особенно, если это тот редкий вид белых медведей, у которых подпалины, да еще и серые. И тогда ты вздыхаешь и ешь его, но я-то знаю, что на самом деле он тебе очень нравится.

Когда нам надо остановиться на ночлег, мы всегда находим какой-нибудь холм. Ты знаешь, что я очень люблю ночь, поэтому всегда стараешься найти место повыше, чтоб я все вокруг хорошо видела. Мы ложимся на траву и разглядываем звезды. Ты знаешь почти все-все созвездия, и, походя учишь меня. Так как созвездий на небе очень-очень много, мы с тобой решили, что их хватит на целую жизнь.

Но бывает такое время, что ночи просто нет. И тогда мы прячемся в лесу. И ты можешь даже сделать берлогу, если я очень замерзла. Но такое бывает редко, так как светлые ночи обычно теплые, да и ты не очень-то хорошо умеешь делать берлоги в лесу.

Хорошее время – ночи темные, но они почти всегда холодные. И про это мы с тобой тоже решили, что очень хорошо друг другу подходим, ведь я почти всегда мерзну, а ты – очень-очень теплый.

Иногда, тебе надо куда-то отлучиться. Я не знаю куда, так же как не знаю, откуда ты появился. Ты уходишь, а я по привычке нахожу холмик повыше и укладываюсь на-

блюдать за звездами. Вспоминаю созвездия, немножко точку ножнички (потому что когда ты вернешься, будут опять пятна, которые надо срезать) и думаю о том, что скоро ты вернешься, накроешь меня собой и я, наконец, перестану мерзнуть.

Белый мох, мед и серая шерсть

Медведь с ленивым видом развалился на небольшом облаке из белого мха, который местами разросся в этом участке леса. Издалека, да, в общем-то, и вблизи этот мох походил на снег, именно поэтому он и улегся на него. Он, с некоторой тревогой вглядывался в просветы между ветками высокой сосны. Там, то и дело мелькал подол маленького клетчатого платя. Она, как всегда сделала это очень неожиданно, так, что он просто не успел разозлиться, а теперь просто переживал. Медведь всегда переживал, когда она так делала.

Картина не менялась от бора к бору, сначала Энико спокойно, как ни в чем не бывало, ехала у него на спине, а потом, в тот момент, когда Медведь совсем этого не ожидал, соскакивала с него и цепляясь за ствол дерева быстро устремлялась вверх. Много тайн хранили в себе фиолетовые башмачки, и то, как она безошибочно находит мед в бору – было одной из них. Это очень нравилось Медведю. У него за долгие годы жизни тоже было много тайн, как и у Энико. Но только она сама понятия не имела о том, откуда они у нее, а Медведь про свои тайны все знал. Но ему очень нравилось, что она никогда и ни о чем его не спрашивала. У нее были свои тайны, поэтому она совершенно спокойно воспринимала

ла таинственного попутчика, как что-то само собой разумеющееся.

Он отвлекся от своих мыслей, заметив как среди веток на вершине сосны, куда только что вскарабкалась Энико, повалил дым. Это значило, что она нашла дупло, уселась рядом на ветке и весело насвистывая, раздувает тлеющую гнилушку. Эти гнилушки она собирала по всему лесу, потому что дым от них был тягучий и едкий, он заставлял пчел наполнять зобки медом, и они не могли жалить. В этот момент Энико спокойно доставала соты из дупла и так же весело насвистывая, спускалась вниз. Конечно, у Медведя было полно вопросов. Откуда такая маленькая девочка все это знает – как добывать мед, что для того, чтобы обезоружить пчел нужен дым, и что подходящий дым – дает тлеющая гнилушка. «Это от того, – всегда отвечала Энико, бережно складывая очередные найденные гнилушки в свою сумочку странника, – что я всегда знала, что у меня будет медведь, а значит – я должна уметь достать для него самый лучший мед. А самый лучший мед – он в тех самых высоких соснах, не каждый медведь может туда залезть, ведь он тяжелый, а иногда просто устал». Второе, что не давало ему покоя – так это откуда она берет огонь, на вершине сосны, для того, чтобы поджечь гнилушку. Но про это Энико никогда не рассказывала, а допытываться он не мог. Беречь тайны друг друга было их негласным правилом, которое никто и никогда не нарушал. Но самое главное, что волновало Медведя так это то, что этот

мед ему и правда, нравился. Он всегда ворчал на Энико, что белые медведи не едят мед, и ел его вроде как из одолжения, но на самом деле он ему очень нравился. Это и было самой большой загадкой. Всю свою жизнь до встречи с ней, ему и в голову не приходило, что когда-нибудь он его хотя-бы попробует. Хотя, что уж там говорить, он не думал, что вообще когда-либо будет странствовать по свету в компании маленькой девочки в фиолетовых башмачках. И некоторое время после того, как они начали блуждать вместе, Медведь некоторое время недоумевал, как такое вообще могло произойти. Но у нее были эти волшебные золотые ножнички, которыми она отстригала совсем уж посеревшую шерсть, а после этого ему становилось ощутимо лучше. Поэтому сначала он просто терпел ее присутствие, а через какое-то время так привык к Энико, что в те дни, когда ему приходилось отлучаться, действительно по ней скучал. Возвращался он всегда очень усталый, и всегда на нем было несколько новых темных пятен. А иногда даже много. Энико никогда и ничего не спрашивала: то ли природа этих пятен была ей понятна, то ли неинтересна, просто она всегда ждала его с остро наточенными ножничками. Как только они устраивались на ночлег на очередном холме, она вскарабкивалась ему на спину и начинала срезать потемневшую шерсть. «В темноте твои подпалины даже лучше видно!» – приговаривала она, шелкая ножницами. Этот звук почему-то очень умиротворял Медведя и постепенно он засыпал, иногда, рассказы-

вая ей про очередное созвездие, иногда просто молча, если сильно устал. Наутро он всегда просыпался очень отдохнувшим и почти что белым. Ему всегда было очень интересно, куда она деваает срезанную темную шерсть, но он никогда не спрашивал, так как внутреннее чутье подсказывало ему, что исчезновение этой шерсти такая же тайна Энико, как и то, откуда она вообще взяла эти волшебные золотые ножнички.

Жимолость, сон и мысли

Энико и Медведь уже довольно давно шли по этому незнакомому лесу, но подходящего кустика с жимолостью так и не подворачивалось. Медведь начинал переживать, так как прекрасно знал, что в сумочке путника осталось совсем мало, две три пригоршни продолговатых ягод, а значит сегодня они должны были во что бы то ни стало найти куст. Поиски осложнялись тем, что Медведю приходилось заниматься ими почти самостоятельно. Конечно, она не показывала вида, что ей не по себе, но он знал. Обычно Энико сидит у него на спине, распрямив спину, высоко вздернув свой слегка курносый носик и весело щебечет, как птичка, рассказывая ему обо всем что видит, или видела когда-то, когда еще странствовала одна. Иногда Медведь даже немного уставал от ее болтовни, но все равно терпеливо слушал, потому как знал, скоро Энико поймет, что он устал и замолчит, и будет молчать так долго, что может он и сам попросит ее что-то рассказать. Сегодня все было не так. Она лежала у него на спине, слабо обхватив руками за шею и прижавшись щекой к затылку, где-то между ушей. И Медведь понимал, что она уже очень слаба. Он страшно не любил такие дни. Он вообще не любил думать о том, что когда-ни-

будь ему снова придется странствовать одному, без маленькой девочки в фиолетовых башмачках. «Наверное, тогда я стану совсем-совсем серым» – вздыхая, думал Медведь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.